

3. *Ильина Н. К.* Особенности ритма русской драматургии: «Доходное место» А. Н. Островского и «Вакантное место» А. А. Потехина // А. Н. Островский в новом тысячелетии. Научно-практические чтения. Кострома, 2014 (в печати); *Ильина Н. К.* Ритмические характеристики комедии А. Н. Островского «Свои люди – сочтемся!» // Ярославский педагогический вестник. № 4. Т. I (Гуманитарные науки). Ярославль, 2014.

4. *Колмогоров А. Н., Прохоров А. В.* Модель ритмического строения русской речи, приспособленная к изучению метрики русского классического стиха // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития / отв. ред. Л. И. Тимофеев; АН СССР: Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М., 1985.

5. *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 10: Пьесы 1868–1882. М., 1950.

6. *Потехин А. А.* Сочинения. Т. 9, 10, 11. СПб., 1905 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cfrl.ru/prose/potexin/potexin.shtml> (дата обращения: 14. 04. 2015)

7. *Томашевский Б. В.* Ритм прозы («Пиковая дама») // Томашевский Б. О стихе: Статьи. М.; Л., 1929.

8. *Черемисина Н. В.* Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. М., 1983.

УДК 821.161.1.09"18"

Т. П. Баталова

*Московский государственный областной социально-гуманитарный институт
batalovatp@yandex.ru*

МОТИВ СЕЯТЕЛЯ В ПОЭЗИИ Н. А. НЕКРАСОВА 1850-Х – 1870-Х ГОДОВ

Автор данной статьи анализирует мотив Сеятеля в лирике Н. А. Некрасова. Герои стихотворений русского поэта просвещают народ через мирную деятельность. Поэт сочувствует молодёжи и скорбит о том, что государственные власти преследуют молодёжь.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, сеятель, стихотворение, мотив, сюжет, герой.

T. P. Batalova

*Moscow State Sociohumanitarian Institute of Moscow Region
batalovatp@yandex.ru*

SOWER MOTIF IN NIKOLAY NEKRASOV POETRY OF THE 1850S–1870S

The author of this article analyses a motif of the sowermen in the N. A. Nekrasov's poems. The heroes of the poetry enlighten the people. Poet grieves about the state-power persecutes of young people.

Keywords: Nikolay Nekrasov, sower, poem, motif, topic, hero.

Советское некрасоведение относило Н. А. Некрасова к лагерю революционных демократов. Однако же его творчество свидетельствует о том, что он утверждал необходимость просветительской работы образованной молодёжи в народе. Эта идея нашла художественное выражение в поэтическом мотиве Сеятеля, который становится связующим (термин Г. В. Краснова) для ряда произведений Некрасова 1850-х – 1870-х гг. Герой этих стихов посвящает свою жизнь служению «стороне родной», стремясь к мирному возрождению Руси. Этот мотив опирается на евангельскую притчу о Царствии Божием: «Оно как зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; а когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков и пускает большие ветви, так что под тенью его могут укрываться птицы небесные» (Мк., 4:31–32). Таким образом, служение родной земле метафорически можно назвать сеяньем добра. Образ Сеятеля, прежде всего, характерен для некрасовских поэм. Так, об Агарине («Саша», 1855) автор заключает: «Сеет он всё-таки доброе семя!» и о Саше (там же): «В добрую почву упало зерно – // Пышным плодом отродится оно!» (5, т. 4, 26, 27). Как о Сеятеле добра можно говорить и о самой заглавной героине поэмы: «Бедные все ей приятели-друзи: // Кормит, ласкает и лечит недуги» (5, т. 4, 22). Политический заключённый Крот-Орёл («Несчастные», 1856) «братски поделился // Богатством сердца своего!» (5, т. 4, 41) с каторжниками. Решает «жить, не обижая // Ни божьих, ни ревижских душ» (5, т. 4, 55), лирический герой «Тишины» (1856–1857).

Вместе с тем в этих произведениях возникает мотив «стороны родной», её взаимосвязи с Сеятелем. До встречи с Сашей «усадьба большая» Агарина «Лет уже сорок стояла пустая».

Сам хозяин «был за границей» (5, т. 4, 20). Напротив, Саша «каждую травку соседних полей // Знала по имени» (5, т. 4, 15).

Различное отношение к «родным полям», вероятно, во многом определило и особенности характеров героев. Автор показывает, что новое время несёт иные, нежели агаринские, формы деятельности: не книжная пропаганда, а кропотливая просветительская работа в народе. Саша как бы сменяет в этом отношении Агарина. В холодной Сибири узники («Несчастные») вспоминали, как возрождались их души при мысли о родине: «Летишь мечтой к отчизне дальней, // И на душе светлей, теплей...» (5, т. 4, 43). Лирический герой поэмы «Тишина» спешит из-за «дальнего Средиземного моря» в свой край: «Скорей туда – в родную глушь!» (5, т. 4, 55).

Если в поэмах Некрасов даёт целостные образы героев, то в персонажах лирических стихотворений он выделяет какую-либо одну черту. Это, например, процесс поиска верного жизненного пути. Нередко он оказывается трагичным. По этому поводу лирический герой стихотворения «Ещё скончался честный человек...» (1855) отмечает, что погибший Честный человек, видимо, не смог преодолеть душевный кризис, реализовать свои добрые «желания». Возможно, он был «На дело благородное рождённый, <...> желал // Служить Добру, для ближнего трудиться // <...> // ... Но присмирел и руки опустил...» (5, т. 1, 169).

Думается, стихотворения, в которых вскрывается мучительная диалектика души в процессе постижения «великой цели», можно объединить в не собранный автором цикл. Его открывает поэтический диалог «Поэт и гражданин» (1856). Это произведение воспринимается «как примета общественно-литературной жизни эпохи» (4, 67). Некрасов здесь «создаёт новый тип знакомой поэтической драматизированной ситуации <...> в которой постигается и прошлое, и настоящее России, смена времён и поколений (2, 66). Сложность положения некрасовского персонажа обусловлена тяжёлой общественно-политической обстановкой, сложившейся в России в середине XIX в. Гражданин характеризует её образом:

В ночи, которую теперь
Мы доживаем боязливо,
Когда свободно рыщет зверь,
А человек бредёт пугливо (5, т. 2, 7).

Эту символику Некрасов раскрывает в одическом послании «Н. Ф. Крузе» (1858), при жизни автора не опубликованном, через образ современной России: «В стране бесправия, невежества и дичи» (5, т. 2, 45). Подобная ситуация вызывает в душе героя противоречие между стремлением к свободному творчеству и невозможностью его осуществления. Такое душевное состояние выражено в заключительном исповедальном монологе Поэта: «песни гордые», «пламенные речи» останавливаются громом «цепей», пугают и гонят его Музу; «И мигом» скрывается она (5, т. 2, 12–13). Прежде всего, такая оценка относится к сороковым годам, и, особенно, к «мрачному семилетию» как реакции на Французскую революцию (1848). Но и в это время были борцы за «новую жизнь» любимой России. О них вспоминает герой «Лирических сцен из комедии “Медвежья охота”»: «В те дни, как всё коснело на Руси», «Их ум кипел – и новые стези // Прокладывал, работая упорно» (5, т. 3, 19). Это – В. Г. Белинский:

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе ... (5, т. 3, 19).

И Т. Н. Грановский: «Готовил родине ты честных сыновей...» (5, т. 3, 20).

Заметим, что лирический пафос возникает у героя при воспоминании об умерших через эпитет «роковой». Но их жизни показали силу русского духа:

Да! были личности! Не пропадёт народ,
Обретший их во времена крутые! (5, т. 3, 21)

Думается, что эти стихи выполняли и другую роль. Через них Некрасов стремился противопоставить мирный «упорный труд» своих героев – просветителей, сеятелей – террору

радикалов. Результат «работы упорной» – подготовка родине «честных сыновей». Некрасовская лирика 1860-х гг. говорит о том, что с углублением общественно-политического кризиса под влиянием поражения России в Крымской войне (1853–1856) «сеяние» Истины, Добра, Красоты и мыслей о Свободе требовало ещё большего напряжения сил, вплоть до самопожертвования. Цензор Н. Ф. Крузе, во многом способствовавший проникновению в печать вольнолюбивых мотивов, в 1858 г. получил отставку. Некрасов, собравший у себя участников протеста против этого похода властей на литературу, прочитал спич «Н. Ф. Крузе»:

Впервые чрез тебя до бедного народа
Дошли великие слова:
Наука, истина, отечество, свобода,
Гражданские права. (5, т. 2, 45)

Подвижничество Крузе в стихах подчёркивается эмоциональностью словообраза «печальной стороны». Один из героев служения Добру и Истине – Н. А. Добролюбов – «слишком рано <...> угас». Заметим, что, после расправы над Чернышевским, в 1864 г. Некрасов пишет «Памяти Добролюбова». Почему и кому поэт как бы напоминает о нём? Думается, с одной стороны, таким образом автор поднимает свой голос за Чернышевского, связанного с Добролюбовым плодотворными годами сотрудничества и личной дружбы, с другой, чувствуя рост напряжения в настроениях молодёжи, Некрасов ориентирует читателя на мирную деятельность. Добролюбов отдал свои силы именно на таком поприще: «Учил ты жить для славы, для свободы, // Но более учил ты умирать» (5, т. 2, 173), подчёркивает связь жизни «для славы, для свободы» с самопожертвованием.

О постоянстве убеждений поэта говорит и его стихотворение «Пророк», написанное через 10 лет – в 1874 – о Чернышевском, названном пророком, с теми же мотивами жертвенности в мирном служении добру. Герой «...видел невозможность // Служить добру, не жертвуя собой» (5, т. 3, 154). Это подвижничество и жертвенность пробудили широкое движение молодёжи, отдающей силы работе на ниве просвещения народа. Но в России того времени эта мирная деятельность стала поводом для борьбы властей против молодёжи. Целый ряд стихотворений Некрасова посвящен этим «честным, безвременно павшим», «за несчастный народ вопившим». Сочувствуя жертвам этой борьбы, Некрасов подчёркивает их верность своей цели как основную черту их характера. С этими мыслями поэт обращается к героине стихотворения «Не рыдай так безумно над ним...» (1868): «...кто ближнего любит // Больше собственной славы своей, // Тот и славу сознательно губит, // Если жертва спасает людей» (5, т. 3, 61). Эти мотивы продолжают и обобщаются в стихотворении «Мать» (168):

Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее – тернового венца... (5, т. 3, 62)

Преследования правительством участников мирных «хождений в народ» усиливались. Число арестованных и сосланных росло. В этих условиях образ тройки с ссыльным и жандармом на дороге, «проторенной цепями», стал связующим для нескольких произведений. Впервые он возникает в стихотворении «Перед дождём» (1846), где «закрытая» «таратайка» с «жандармом» напоминает тюремную камеру с узником, которого здесь не видно, он только подразумевается. Эта сценка дана на фоне возмущающегося «леса». Протест природы – метафорическое выражение неприятия деспотизма властей. В поэме «Несчастные» (1856) образ арестованного конкретизирован:

Вот идёт солдат
За фурой вроде погребальной –
Глядит оттуда глаз печальный
И видно бледное лицо... (5, т. 4, 32)

Обречённость узника выражена характеристикой «фуры» – «вроде погребальной». В стихотворении «Благодарение господу Богу...» (1863) типизируются противопоставленные друг другу жандарм – «с саблей усач» – и ссыльный – лицо «молодое, прекрасное» символизирующее одухотворённость:

«Возле лица – молодого, прекрасного, // С саблей усач...» (5, т. 2, 154) Замена «нагайки» «саблей» говорит об усилении мотива деспотизма, «усач» становится его эмблемой.

Завершает и обобщает этот ряд – своеобразный цикл в цикле – ироническая вещь «Ещё тройка» (1867) с интересной творческой историей, изложенной Б. В. Мельгуновым (3). Здесь портретная деталь – «усы» «жандарма» достигает своего апогея: «усищи в аршин», а место ссылки обозначено народной поговоркой «куда Макар телят гоняет»:

Сидит с осанкою победной
Жандарм с усищами в аршин,
И рядом с ним какой-то бледный
Лет в девятнадцать господин.
<...>
Куда же тройка поспешает?
Куда Макар телят гоняет. (5, т. 3, 42)

Заключительные стихи – саркастичны. Они разбивают утверждение власть предержащих об опасности для государства мирной работы молодёжи:

Кто ты, преступник молодой?
<...>
Иль, может быть, ночным артистом
Ты не был, друг? и просто мы
Теперь столкнулись с нигилистом,
Сим кровожадным чадом тьмы?
Какое ж адское коварство
Ты собирался совершить?
Разрушить думал государство
Или инспектора побить? (5, т. 3, 42–43)

Обратим внимание на то, что поэт обращается к «преступнику молодому» – «друг». Уравнивая замыслы «нигилиста» – «разрушить государство» «или инспектора...» (далее даже не напрашивающийся глагол «убить»!) «побить», – автор саркастически смеётся над обвинениями, адресованными «преступникам молодым». Укрупняет роль образа «осанка победная» «жандарма», воспринимаемого как доверенное лицо деспотизма власти.

В цитируемом выше стихотворении «Не рыдай так безумно над ним...» поэт скорбит о погибших в «тисках» деспотизма: «Вспомни, сколько пали в борьбе»; «смолкли честные, доблестно павшие...» (5, т. 3, 61) – реквием по Борцам (судебные процессы первой половины 1870-х гг.):

Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие,
Но разнузданы страсти жестокие (5, т. 3, 126).

Итак, вместо провозглашения демократических свобод в стране «разнузданы страсти жестокие»; вместо «гражданских прав» – аресты, ссылки, казни. Эта обстановка напоминает поэту военный лагерь. Он всегда был против подобного развития событий, несовместных с Добром.

Мотив Сеятеля в некрасовской поэзии сочетается с мотивом мучительных страданий поэта. Они выражены в 1863 г. в стихотворении «Надрывается сердце от муки...»:

Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора. (5, т. 2, 152).

К этим мукам близка трагедия «Страшного года. (1870)» (1872–1874):

Страшный год! Газетное витийство
И резня, проклятая резня!
Впечатленья крови и убийства,
Вы вконец измучили меня! (5, т. 3, 124)

Думается, надо было иметь «волю железную», чтобы в ответ на политику властей («разнузданы страсти жестокие») – страдать («вы вконец измучили меня»), но не звать молодёжь на террор, на ответ кровью за кровь. О том, что молодёжь поняла своего поэта, говорит реакция читателей на сообщение в газетах о болезни Некрасова (во многом – следствие «мук», «надрывающих сердце») (1, 15–33).

Некрасовская лирика последующих лет свидетельствует о том, что его гражданская позиция и ориентация на молодёжь сохранились. Ряд стихотворений 1870-х гг. представляет собой беседу лирического героя с молодым читателем-другом. В этом плане интересны «Уныние» (1874) и «Элегия» (1874). Они близки не только по времени создания и тональностью заглавий, но и по мотивам. Лирический герой «Уныния» делится своими переживаниями с юным читателем, «готовит родине честных сыновей», сохраняющих до старости чистоту души:

Наступит час рассчитывать строго
За каждый шаг, за целой жизни труд,
И мстящего, зовущего на суд,
В душе своей вы ощутите Бога.
Бог старости – неумолимый Бог.
(От юности готовьте ваш итог!) (5, т. 3, 133)

По концовке «Уныние» близко к «Деревне» А. С. Пушкина. Некрасовский герой упрекает себя за то, что ему не дано служить народу:

Народ! народ! Мне не
Служить тебе, плохой я гражданин,
Но жгучее святое беспокойство
За жребий твой донёс я до седины! (5, т. 3, 137)

Итак, здесь очевидна модификация мотива сеятеля: образ Гражданина свидетельствует о подчёркнутой требовательности к себе лирического героя.

В «Элегии» мотив служения народу – лейтмотив произведения. Автор надеется на верность юношества подобному служению:

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая «страдания народа»
И что поэзия забыть её должна,
Не верьте, юноши! не стареет она. (5, т. 3, 151).

Это утверждение поэта не субъективно: он мотивирует свою мысль, опираясь на пушкинские сравнения:

Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам,
Оплакивать их рок, служить им будет муза,
И в мире нет прочней, прекраснее союза!.. (5, т. 3, 151)

Не видя желаемых результатов служения Музы «страданиям народа», поэт сокрушается:

Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта, –
Увы! не внемлет он – и не даёт ответа... (5, т. 3, 151)

Очевидна переключка с концовкой пушкинской «Деревни». Размышляя в этом направлении, Некрасов подчёркивает кропотливость работы в народе, необходимость терпения при ожидании её положительного итога. Эта деятельность сопоставима с «сеянием» Добра

и Красоты, которые становятся гранями обобщающего идеального образа Сеятеля, рождаемого контекстом и заглавием стихотворения «Сеятелям» (1875):

Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами,
Где же вы, с полными жита кошницами?
Труд засевающих робко, крупницами,
Двиньте вперед!
Сейте разумнее, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ... (5, т. 3, 180).

Этот зов поэта, очевидно, всегда перемежался с мучительно переживаемыми им трагедиями, постигающими «за несчастный народ вопиющих». Это душевное состояние выражено в стихотворении «Молебен» (1875):

«Милуй народ и друзей его, Боже! –
Сам я невольно шептал. –
Внемли моление наше сердечное
О послуживших ему...
Об осуждённых в изгнание вечное,
О заточённых в тюрьму,
О претерпевших борьбу многолетнюю
И устоявших в борьбе,
Слышавших рабскую песню последнюю,
Молимся, Боже, тебе» (5, т. 3, 181).

Идеям мирной работы образованной молодёжи в народе поэт оставался верным до конца. Так, мотив «дела» возникает в стихотворении «Отрывок» (1877): «Слова... слова... красивые рассказы // О подвигах... но где же их дела? // Иль нет людей, идущих дальше фразы?» (5, т. 3, 193). Лирический герой стихотворения «Праздному юноше» (1877) упрекает в бездействии «окончившего курс науки» Юношу и, одновременно, наставляет его:

Что сидишь ты, сложа руки?
Ты окончил курс науки,
Любишь русский край,
Остроумно, интересно говоришь ты,
Мыслишь честно... Что же? Начинай! (5, т. 3, 225).

Отметим, что здесь вновь автор подчёркивает именно те духовные и душевные качества героя – «любишь русский край», «мыслишь честно», «остроумно говоришь», – которые и необходимы для просветительской деятельности.

Таким образом, в творчестве Некрасова 1860-х – 1870-х гг. возникает мотив Сеятеля. Необходимо отметить его разносторонность. Поэт улавливал и художественно осмысливал различные оттенки общественно-политической обстановки в России. Но жизненная позиция поэта оставалась неизменной: он звал читателя к мирной борьбе за просвещение народа, за возрождение родины. Мотив Сеятеля близок идеям почвенничества. Однако при этом наблюдении необходимо подчеркнуть, что поэт не ограничивался теоретизированием, а стремился соединить идеи с жизнью. Характерной особенностью некрасовской интерпретации этого мотива является разработка образа героя-Сеятеля. В его сочетании с мотивом «стороны родной» проявляется синтез положений славянофилов о народе и западников – о роли личности.

Литература

1. Краснов Г. В. Последние песни. М., 1981.
2. Краснов Г. В. Некрасов и Пушкин. Поэтический диалог // «Карабиха». Историко-литературный сборник. Вып. третий. Ярославль, 1997. С. 59–66.
3. Мельгунов Б. В. К литературной родословной стихотворения Некрасова «Ещё тройка» // Русская литература. 1979. № 3. С. 163–172.

4. Мостовская Н. Н. Стихотворение «Поэт и гражданин» в литературной традиции // «Карабиха». Историко-литературный сборник. Вып. третий. Ярославль, 1997. С.67–80.

5. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: в 15 т. Л.; СПб., 1981–2000.

УДК 821.161.1.09"18"

Н. К. Кашина

*Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова
kashdann55@rambler.ru*

«ДУХОВНОЕ» И «НРАВСТВЕННОЕ» В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВ А. ФЕТА

В работе рассматривается содержание категорий «духовное» и «нравственное» как основа системы образов. Всё творчество А. Фета может быть представлено как целостная структура. В этой структуре выявляются развитие женских образов в контексте поисков путей обретения духовности, её осуществления в реальной жизни. Оппозицию этим образам составляют образы мужские, воплощающие волю, которая противопоставлена духовности. На вопрос о том, возможна ли гармония в этих отношениях, А. Фет даёт однозначный ответ: нет.

Ключевые слова: целостность поэтического мира, система образов, жертвенная любовь, «станок брака», рефлексия, воля, самопожертвование, бинарная оппозиция.

N. K. Kashina

*Nekrasov Kostroma State University
kashdann55@rambler.ru*

«SPIRITUAL» AND «MORAL» IN THE SYSTEM OF IMAGES OF AFANASY FET

This paper examines the content categories of «spiritual» and «moral» as the basis of images of the system. All creative work by Afanasy Fet can be presented as an integral structure. In this structure we reveal the development of women's images in the context of the search for ways of finding spirituality, its implementation in real life. Opposition to these images comprise images of men, embodying the will, which is opposed to spirituality. On a question of whether harmony in these relations is possible, Afanasy Fet gives a definite answer: no.

Keywords: poetic world integrity, images as system, sacrificial love, «marriage machine», reflection, will, self-sacrifice, binary opposition.

Вопреки устойчивому мнению о том, что А. Фет был лишён эпического дара, и поэмы, и проза занимают далеко не последнее место в его творческом наследии. Но подчеркнём, что и эпические произведения пронизаны пафосом глубокого личного переживания: не случайно все прозаические тексты А. Фета являются своеобразными интерпретациями его жизненного опыта. В этом смысле можно утверждать, что они по-своему документальны, или достоверны.

Художественный мир А. Фета образует целостность, где лирика порождается непосредственным переживанием вдохновения, а поэмы, проза соотносятся с осмыслением этих непосредственных открытий с позиций жизни. Так, например, выстраивается соотношение «духовное/нравственное».

Категории «духовное» и «нравственное» в мире идей А. Фета никогда не сливаются в одно целое, даже через дефис. Категорически они противопоставляются в лирике поэта: «Два мира властвуют от века, / Два равноправных бытия: / Один объемлет человека, / Другой – душа и мысль моя» («Добро и зло», 1884 г.). Эти два мира и составляют единство лирического и эпического в творчестве А. Фета.

«Душа и мысль» составляют основу его поэтической картины мира, в центре которой выделяется тема величия мироздания: «дрожащая бездна», «сад мироздания» («Соловей и роза» 1847 г.), «бездна эфира», «солнце мира» («Измучен жизнью, коварством надежды...» 1864 г.). Размышляя о Боге, Фет в близости к духовному источнику видит истинное величие человека:

Нет, ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей вселенной.